

Николай Петров

МОЙ ДРУГ АНДРЕЙ ГОЛОВ

Андрей Борисович Голов ушел из жизни 17 мая 2009 года, в день моего рождения и накануне именин наиболее любимого русским народом святого – Николая угодника, покровителя всех странствующих... Ушел так, как будто отправился в далекое путешествие, откуда уже никогда не сможет позвонить или прислать хоть какую-нибудь весточку.

Весна в том году «созрела» только ко второй половине апреля. К длинным майским выходным мне удалось присовокупить два дня отгулов, и я уехал на дачу. Работы, как всегда было много: раскрыть, обвязанные осенью молодые яблони, вскопать грядки, сделать кое-какой ремонт в доме. Помню точно, я не забыл, что четвертого мая у Андрея «день варенья». Он очень любил свой праздник. Воспринимал его как повод собрать за большим столом родных, друзей, знакомых, соседей. Народу обычно было много. Мест не хватало. Приносили все имевшиеся табуретки, лавки, теснились как могли, и это создавало какой-то особенный уют, настраивало на веселый и беспечный лад. Рядом с юбиляром всегда сидели обожавшие его (и не менее любимые им) девчонки: жена – Лена, красавица и умница, и две обаятельные дочурки – Маша и Катя.

В мае 2009 года празднование не планировалось: Андрей загремел в госпиталь. Заболевание было серьезным, но он до последнего дня надеялся выкарабкаться. Приглашал навестить его четвертого мая. Я пообещал приехать, но смог сделать это только седьмого. Помешали обыденные дачные хлопоты. Провинность, наверное, небольшая, но до сих пор я не могу себе ее простить, ведь это был его последний праздник и последняя просьба.

Андрей лежал в палате. Жена находилась вместе с ним. Выглядел не блестяще, однако старался шутить, интересовался новостями на работе. О своих болячках говорить не хотел. Посетовал на то, что я не был четвертого и добавил: «Ну ничего, семнадцатого отметим сразу и твой и мой день рождения. Уж семнадцатого, я думаю, ты не забудешь». Тогда я не придавал особого значения этой фразе. Но семнадцатого мая позвонила жена Андрея. В первый момент я подумал, что она хочет меня поздравить, однако Лена сообщила, что Андрея больше нет. С тех пор я перенес свой день рождения на восемнадцатое, да и вообще стараюсь в этот день куда-нибудь уехать (не хочется слушать веселые пожелания) и обязательно помянуть друга. Теперь уж точно забыть эту дату я не смогу. Говорят, время притупляет любое горе, но мне почему-то с каждым годом все больше его не хватает. Только сейчас, когда Андрея уже нет, начинаешь понимать каким незаурядным человеком он был, и какая это удача иметь такого друга.

Познакомился я с Андреем во время вступительных экзаменов в МГИМО. Оба не набрали проходного балла и оба, как «отслужившие в армии производственники», были зачислены на подготовительный факультет. Волею случая мы оказались в одной академической и языковой группе и как-то незаметно подружились.

Об учебе на «подфаке» рассказывать особенно нечего. Помню только, что это была «пахота негров на плантации». В первый же день нам устроили диктант по русскому языку и через двое суток объявили: «На «отлично» не написал никто, на «хорошо» – четверо, тройки получили двое, остальные шестьдесят (мы с Андреем в том числе) – «неудовлетворительно». На вступительном экзамене по русскому языку,

кстати, почти все мы имели положительные оценки. Аналогичный «холодный душ» организовали и преподаватели по остальным предметам.

На первом же собрании декан факультета провозгласил: «Все вы подготовлены очень плохо, но в институте разработана отличная программа, с помощью которой можно быстро наверстать забытое и пропущенное. Однако освоить ее будут способны только те, кто сумеет заставить себя заниматься «сверхинтенсивно». Бездельники – отсеются, а их, как показывают итоги предыдущих наборов, почти половина факультета. Посещаемость занятий будет жестко контролироваться. Мы считаем, что лентяи отнимают время у своих товарищей и преподавателей. Опоздания, прогулы, двойки – основание для отчисления. Оправдания не принимаются. Преподаватель всегда прав».

Речь декана была краткой, тезисной, но впечатляющей. Уже на следующий день несколько человек забрали документы. Андрей тогда пошутил, точно не помню его фразу, но смысл был такой: «Студенческую жизнь с пивом на Арбате придется на годик отложить, а жаль».

Приблизительно раз в неделю нас собирали в актовом зале и староста факультета (мы его называли Пиночетом, ассоциации – понятны) зачитывал списки отчисленных. Прогноз декана оправдался почти на 100 процентов. Зато все оставшиеся хорошо сдали экзамены. «Пахота» закончилась и началась нормальная студенческая жизнь с ее проблемами и прелестями: картошкой, стройотрядами, различными мероприятиями с пивом и без него, ночными бдениями перед очередными экзаменами и так далее. После «подфака» учеба нам казалась если не малиной, то уж, конечно, и не крапивой.

Андрей был человеком спокойным и даже несколько медлительным, но как я понял позже, за его кажущейся флегматичностью таилась огромная энергия, которая время от времени прорывалась наружу как лава из вулкана. Несмотря на то, что учеба давалась ему относительно легко, он

сумел воспитать в себе хорошую работоспособность. За одну ночь Андрей успевал перелопатить несколько учебников и смастерить столько шпаргалок, что их хватило бы на пятерых, но они ему уже были не нужны. Вся информация была тщательно структурирована и аккуратно уложена в голову. Думаю, это сыграло не последнюю роль в том, что впоследствии он смог стать настоящим экспертом в своей области, а по итогам учебы в институте сдать все экзамены на «отлично», написать хорошую дипломную работу (о рынке алмазов) и получить красный диплом.

Наша академическая группа, особенно женская половина, буквально обожала Андрея. Иногда, обсуждая с ним институтские проблемы, я поражался: откуда он знает почти обо всех радостях и горестях сокурсников. Да просто он был к ним небезразличен и тихо, не афишируя своей причастности, старался помочь каждому, кто к нему обращался с просьбами. Сам же, без особой нужды, в душу к человеку никогда не лез. Это была одна из прекрасных черт его характера.

Не раз по различным поводам (и без оных) мы собирались у него дома, где и познакомились с его женой, которая, кстати, на пару с Анастасией Вертинской блестяще (по крайней мере, не хуже знаменитой актрисы) сыграла роль Ассоли в фильме «Алые паруса», но никогда не кичилась этим. Вообще Лена и Андрей хорошо дополняли друг друга. Лена не спорила с мужем. Внимательно выслушивала его, как правило, соглашалась, а потом делала так, как считала нужным. Андрей это видел, но притворялся, что не замечает.

Помню, как-то мы сидели у него в саду под березами, потягивали вино и о чем-то долго и увлеченно беседовали. Было жарко и женщины отдыхали в доме. В бутылке оставалось еще грамм двести, когда подошла немного расстроенная Лена (может быть, ей приснился плохой сон) и сердито сказала Андрею: «Чем попусту болтать, лучше бы окопал вон ту яблоню. Ты уже неделю назад обещал мне сделать это» и ушла в дом. Мы

допили бутылку, после чего я предложил Андрею помочь выполнить просьбу жены. Он ответил: «Подожди...» и направился к сараю. Через минуту вернулся с топором. Не успел я даже понять зачем ему топор, как срубленная яблоня лежала у нас под ногами. Андрей опять сел за стол под березами, закурил и продолжил как ни в чем не бывало прерванную беседу. Минут через двадцать вновь появилась Лена. Увидев содеянное она на минуту остолбенела, но быстро пришла в себя, улыбнулась и сказала: «Хороший шашлык получится вечером на яблоневых дровах, а пока давайте выпьем чаю с травками». Чай с мятой или мелиссой у них всегда был отменным.

За пять или даже, вместе с «подфаком», шесть лет учебы в МГИМО мы с Андреем крепко подружились. Нашли общий язык наши жены и дети, появились общие друзья. Андрей и Лена часто приглашали нас к себе на дачу в Рассудово, и мы с удовольствием принимали их приглашения. Там всегда было весело и интересно. Царивший микроклимат настолько импонировал всем собиравшимся, что многие пытались, и небезуспешно, перенести его на свои фазенды. Они и нас заразили дачной лихорадкой, за что я всегда буду безмерно им благодарен.

Андрей очень любил свою «загородную усадьбу», постоянно что-то в ней переделывал, совершенствовал и часто говорил, что полноценно отдохнуть может только там. Его не утомляли сменявшие друг друга гости, не мешали отдыхать трудившиеся у него то печники, то плотники или водопроводчики. Даже такая муторная суета как добывание строительных материалов (в СССР они всегда были в дефиците), казалось, развлекала его. Он и сам с удовольствием работал руками. Причем все, что делал, было надежным и красивым. Помню, как – то он купил хорошие водостойкие краски и с большим чувством, видно хватанул где-то вдохновения, разрисовал в квартире ванную комнату, превратив ее в морское дно. Конечно это был далеко не Айвазовский или Репин, но мне

понравилось, и что еще важнее, довольны были его женщины. Его «марины» выглядели, на мой взгляд, намного душевнее, чем пейзажи какого-нибудь Шилова. Художественные изыскания Андрея на даче заслуживают отдельного, возможно, юмористического (но не сатирического!) рассказа.

По окончании МГИМО Андрей распределился на «государеву службу» и на несколько лет мы потеряли друг друга из поля зрения. Зато, когда мы наконец вновь встретились, нам не надо было искать тем для разговоров, особенно когда в страну пришли очередные «смутные времена». Андрей все это время серьезно изучал проблемы мировой экономики и был, на мой взгляд, одним из наиболее компетентных и реалистично мыслящих аналитиков в стране. Сегодня я уверен, что вовсе не завышаю оценку этого незаурядного человека. В отличие от прорвавшихся во властные структуры доморощенных политологов и экономистов из «бывших», быстро перестроившихся преподавателей марксизма-ленинизма и политэкономии социализма, а также «приплывших» с Запада «особо ценных» специалистов и представителей мощной «пятой колонны», он сдержанно и грамотно анализировал обстановку в СССР, видел экономические и политические корни свалившихся на нашу Родину проблем. Имелись у него и интересные качественно проработанные проекты по преодолению кризиса, уж точно не слабее «яблочной» «Программы 500 дней». Однако к рулю к тому времени, к общему нашему сожалению, были уже допущены эксперты другого направления. «Тактическую победу тогда одержал – как говорил Андрей – «гайдаровский ... эскадрон».

Развал Советского Союза Андрей переживал очень тяжело. Многие бежали с тонущего, по их мнению, российского корабля. Андрей такой вариант даже не рассматривал. Не нравилась ему и модная тогда для многих, воспитанных в духе любви к своей Родине, честных людей

формула: «поступай как надо и пусть будет, что будет». От нее, по его мнению, «сильно веяло пессимизмом». Более точно его отношение к происходящему выражает не раз повторенная им фраза: «Наша история знала и не такие передрыги. Рано или поздно они проиграют сражение. Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Как в воду глядел.

В этот период Андрей читал много литературы по экономике и экологии. Как-то, будучи у него в гостях, я увидел огромное количество, лежавших на столе, диване и подоконнике справочников, толстых специальных журналов по этой тематике с торчащими из них цветными закладками. Я невольно спросил, не собирается ли он писать диссертацию? Андрей ответил абсолютно серьезно: «За каждым политическим шагом или действием обязательно должна быть экономическая подоплека. Если я ее не разглядел, значит не до конца понял интересующее меня событие, а экология в современном мире очень тесно переплетена с экономикой, стала ее неотъемлемой частью. Сегодня нормальному человеку трудно понять, как относиться к нашим «заклятым компаньонам и союзникам», которых, кстати, совсем недавно мы называли противниками, а очень хотелось бы разобраться в их подлинных интересах и целях». Потом немного подумал и добавил: «Особенно когда о том, чего хочет правительство собственного государства (кроме севрюжины с хреном) мы можем только догадываться». Уж не знаю, когда и как он ответил на поставленные тогда самому себе вопросы, но прогнозы Андрея очень часто оправдывались.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов ситуация в стране стала понятнее. Андрей поменял направление и профиль работы. Интенсивность возросла – приходилось осваивать новые методы деятельности, а здоровья не прибавлялось. Мы вновь стали чаще встречаться, и я видел, как ему было трудно. До этого он почти никогда не пользовался автомобилем, а

теперь был вынужден сесть за руль. На протяжении нескольких лет, чтобы успеть сделать все запланированное на день он почти ежедневно вставал в пять утра, не будучи при этом уверенным, что к девяти вечера будет дома. Когда я звонил ему после восьми – девяти вечера трубку обычно брала Катя и говорила: «Извините дядя Коля, но папа пришел очень усталый, выпил чаю и тут же уснул. До сих пор не могу понять, как он, с его избыточным весом, мог так интенсивно трудиться. В рабочее время Андрея невозможно было спровоцировать на разговор о чем-либо отвлеченном. Любые попытки прерывались его вежливой фразой: «Прости пожалуйста, но сейчас у меня куча срочных дел. Давай вернемся к этому позже. Приезжай на дачу и там мы с тобой поболтаем об этом за бутылочкой без помех».

Дача оставалась для него единственным убежищем, где он мог полностью расслабиться. В периоды, к сожалению, редких и коротких досугов Андрей увлекся кулинарией, а учитывая его привычку делать все, за что брался, хорошо, достиг на этом поприще больших успехов. Его маленькие хрустящие соленые огурчики и помидорчики, квашеная капуста с рассыпчатой картошечкой под рюмочку отличной самодельной наливочки не оставляли при сравнении ни малейшего шанса на успех самым изысканным деликатесам из дорогих ресторанов. Летние вечера, тихие спокойные беседы об искусстве или бренности земного бытия под аккомпанемент его кулинарной симфонии были так хороши, что в срок жизни не засчитывались, но результаты этого его пристрастия я успел, к моему большому сожалению, попробовать слишком поздно. Зато не раз составлял ему компанию в бане. Париться он любил с веничками, которые сам заготавливал в огромном количестве в июне на троицу. Особенно запомнились наши зимние банные марафоны с обязательными купаниями в огромных, предварительно насыпанных сугробах.

Перечитывая написанное, я подумал, что Андрей у меня выходит каким-то уж больно положительным, почти идеальным. Остается только подрисовать крылышки. Конечно, он таковым не был. Как каждого

настоящего мужчину, Андрея обуревали страсти и желания, обиды и разочарования. Имелись у него и недостатки. Стремясь несколько оживить картину его жизнеописания, я начал их мысленно перебирать и пришел к выводу, что все они были какими-то позитивными. Например, Андрей часто и достаточно резко употребляя нелицеприятные эпитеты, сдобренные отнюдь не литературными выражениями, говоря о многих представителях нашей «артистической богемы», особенно когда слышал их публичные излияния в стиле душевного стриптиза на религиозные темы. Он считал, что вера в бога – дело глубоко интимное, не подлежащее показухе. Его бесили телевизионные разглагольствования на эту тему спешно воцерковленных шоуменов, бизнесменов или разного рода «бизнесвуменш». Но, с другой стороны, на фоне огромного позитива исключительно порядочного, доброго, трудолюбивого человека – Андрея Голова, любые попытки акцентировать внимание на подобных его недостатках выглядят нелепо, как цыганская юбка на верблюде.

Январь 2016, Москва